

ОБРАЗ ГУВЕРНЕРА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РУССО В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Франкоязычный гувернер – знаковая фигура для России второй половины XVIII – первой половины XIX в. Достаточно часто педагогическая практика французских гувернеров была связана с педагогическими идеями Жан-Жака Руссо прежде всего с идеями, высказанными им в романе «Эмиль, или О воспитании».

«Эмиль» и его русские переводы

Как известно, в XVIII в. ввозить эту книгу в Россию не разрешалось. Но, несмотря на цензурное запрещение, появлялось множество переводов отрывков из «Эмиля», и прежде всего из «Исповедания веры савойского викария»¹. Делались попытки перевести и весь роман. В 1807 г. весь «Эмиль» был переведен Елизаветой Дельсаль. Об этом переводе М.Н. Макаров, автор «Материалов для истории русских женщин-авторов», писал:

Урожденная девица Сосье, жена бывшего содержателя в Москве пансиона Флора Филиппа Делессаля. Занимая воспитанников своих переводами с иностранных языков, она вместе с ними и под надзором бывшего в их учебном заведении учителем словесности, Василья Васильевича Кудрявцева, начала переводить с Французского и докончила перевод Руссова Эмиля, или о воспитании, философическую книгу в четырех Частях, напечатанную 1807 года в типографии Селивановского. Перевод Г-жи Делессаль во многих местах не точен против подлинника, богат галлицизмами; но выбор таковой книги, какова книга Жан-Жака Руссо о воспитании, дает право Переводчице на признательность

* Алла Августовна Златопольская, кандидат филологических наук, старший сотрудник Отдела редких книг Российской национальной библиотеки.

¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Размышление о величестве божии о его промысле и о человеке г. Ж.Ж. Руссо. Переведена 1769 и 1770 года [Семеном Башиловым]. [СПб., ок. 1770]; *Он же*. Бытие Бога и бессмертие души. Из «Эмиля» г. Руссо. [Пер. Ф. Глинки] СПб., 1801; *Он же*. [Исповедание веры савойского викария] // Философические уединенные прогулки Жан-Жака Руссо или последняя его исповедь, писанная им самим с присовокуплением писем его к Мальзербу, в кои изображается истинный характер и подлинные причины поступков сего славного Женевского Философа / Пер. с франц. Иван Мартынов. Ч. 2. СПб., 1802. С. 72–178; 2-е изд. Ч. 2. М., 1822. С.87–211.

любителей отечественной литературы и в особенности признательность родителей, которые не имея способов пользоваться Эмилем в подлиннике, могут употреблять многия из его наставлений к необходимой пользе своих детей. Мысль Г-жи Делессаль, как мы слышали была та, чтоб и с другими такими же книгами о воспитании знакомить нас и детей наших; но, к сожалению, она подобных трудов уже не продолжала².

Характерно, что наибольшей популярностью среди массового читателя пользовались не собственно главы, посвященные воспитанию, а либо «Исповедание веры савойского викария», либо главы, посвященные любовным взаимоотношениям героев.

Но в то же время роман активно читался на языке оригинала, главным образом в дворянском высшем обществе, где и делались попытки воспитания «по Жан-Жаку». Роман был широко известен в этих кругах, его идеи в целом или чаще выборочно применялись на практике.

Руссо и Локк в России

Идеи Руссо достаточно часто сближались с идеями Локка. Основной педагогический труд Локка «О воспитании детей» вышел в России в XVIII в. двумя изданиями³. Так Н.М. Карамзин, говоря о всемогуществе воспитания и ссылаясь на Руссо, вспоминает и рассуждение Локка о душе ребенка как о *tabula rasa*. В повести «Рыцарь нашего времени» он так пишет о детстве героя: «Любовь питала, согревала, тешила, веселила его; была первым впечатлением его души, первую краскою, первую чертою на *белом листе ее чувствительности*», и тут же делает примечание: «Локк говорит, кажется, что душа рожденного младенца есть белый лист бумаги»⁴.

Карамзин сближает философию Локка с сенсуализмом Руссо. Такое сближение философских воззрений и теории воспитания Локка

² Макаров М. Н. Материалы для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Ч. 32. № 51–52, декабрь. С. 119–120. До этого V глава «Эмиля» (в сокращении) переведена П. Страховым, а затем И. Виноградовым (Емилий и София или Благовоспитанные любовники. С приобщением повести Уединенники, служащей продолжением Емилия и Софии. Из сочинений Ж.-Ж. Руссо. / Пер. И.В. [И. Виноградова]. Ч. 1–[2]. СПб.: в тип. Гос. медицинско-коллегии, 1799–1800). Часть 1 является исправленным изданием сокращенного перевода П.И. Страхова пятой книги «Эмиля», часть 2 – переводом И.И. Виноградова неоконченной повести Руссо «Эмиль и Софи, или Одинокие», которая являлась продолжением «Эмиля». Переводилась пятая книга «Эмиля» и в 1820 г. под названием «Эмиль и София или Благовоспитанные любовники» (Эмиль и София или Благовоспитанные любовники: Из сочинений ЖЖ. Руссо. Перевод с франц. М.: В тип. С. Селивановского, 1820).

³ В пер. Николая Поповского: Локк Д. О воспитании детей господина Локка. Ч. 1 – 2. М.: Тип. унив., 1760; *Он же*. О воспитании детей господина Локка. Ч. 1–2. Изд. 2-е. М.: Тип. Комп. типогр., 1788.

⁴ Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 759.

и Руссо было достаточно частым. Так, Н. Брусилов, редактор «Журнала Российской словесности», в «Письме деревенского жителя о воспитании» в числе самых знаменитых педагогов называет Локка и Руссо, подчеркивая, что их имена на устах у всех, даже тех, кто не имеет понятия о настоящем воспитании:

Я не буду входить в рассуждение о воспитании физическом. Начала, изъясненные Локком, Руссо и прочими учеными – правила признанные всеми просвещенными умами касательно воспитания физического известны всякому <...> Редкой, кто не говорил о воспитании, редкой, кто бы в сей трудной науке не ставил бы себя выше Локка и Руссо, но не всякой знает священные обязанности воспитателя, не всякой печется о образовании вместе ума и сердца⁵.

Однако, наряду со сближением теорий воспитания Локка и Руссо имело место их противопоставление. Прежде всего это касается официальных, правительственных и близких к правительственным кругов. Руссо считался «опасным писателем» – формулировка, которая практически не применялась к Локку.

Наиболее яркий пример – Екатерина II. Ее «Инструкция князю Салтыкову» о воспитании великих князей явно написана под влиянием Локка, тогда как на протяжении всей своей жизни императрица отрицательно относилась к воспитанию по «Эмилю». Не случайно в 1763 г., практически всего лишь через год после выхода «Эмиля», она написала генерал-губернатору Глебову: «Слышно, что в академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как например: Эмиль Руссо, Мемории Петра III, Письма жидовские⁶ по французскому и много подобных»⁷.

Очевидно, опасный характер «Эмиля», его направленность против «закона» и «доброго нрава» определялись не только «Исповеданием веры савойского викария», но и педагогической теорией Руссо, содержащую критику существующих общественных учреждений и проповедь воспитания «естественного человека». Не случайно Екатерина II писала госпоже Бьельке: «Особенно я не люблю эмилиевского воспитания; в наше доброе старое время думали иначе, а так как между нами есть однако ж удавшиеся люди, то я держусь этого результата»⁸.

Не случайно в воспитательных проектах И.И. Бецкого имеются

⁵ Брусилов Н. Письмо деревенского жителя о воспитании // Журнал Российской словесности. 1805. Ч. 1. С. 11–13.

⁶ Речь идет о *Lettres juives* маркиза д'Аржана.

⁷ Сборник русского исторического общества. Т. 7. СПб., 1871. С. 318.

⁸ Там же. Т. 13. СПб., 1874. С. 37.

ссылки на Локка, но нет ссылок на Руссо. Влияние Руссо ощущается в самой концепции Воспитательного дома, где воспитанники будут изолированы от влияния общества и где поставлена цель вывести «новую породу людей». Бецкой заимствует только те положения Руссо, которые общи у Руссо с Локком и с просветительной педагогикой в целом, а именно в первую очередь меры по физическому воспитанию и развитию детей. В частности под влиянием Руссо И.И. Бецкой выступает против пеленания детей, узкой стягивающей одежды, употребления каши из муки⁹. Общими у Руссо, Локка и других просветителей является повторенное Бецким положение о необходимости обучать детей в процессе игры. Как пишет Бецкой об обучении детей, «обучать их всему играючи, и, сколько возможно, без принуждения»¹⁰.

Идеи Руссо в восприятии властей и дворянского общества

Использование официальными кругами педагогической системы Локка, ссылки на нее и в то же время неприятие системы Руссо объяснялась несколькими причинами.

Отвержение «Эмиля» было вызвано не только педагогической теорией, но и контекстом, в который эта педагогическая теория была «погружена», в первую очередь социально-политическими и религиозными взглядами Руссо, которые казались «опасными», подрывающими основы общества. Для Екатерины II на это накладывалось ее общее недоброжелательное отношение к Руссо, связанное с пророчествами писателя относительно судеб России и Европы в «Общественном договоре»¹¹.

Официальные круги, в частности Екатерину с ее рационализмом и практицизмом, привлекала более рационалистическая концепция педагогики Локка. Она была более авторитарна и лучше согласовывалась с ценностями традиции и подчинения, необходимыми в монархическом государстве, чем педагогика Руссо, ориентированная на воспитание «естественного» человека, хотя и живущего в обществе.

Однако официальным замалчиванием и отторжением отношение к идеям Руссо не исчерпывалось. Восприятие его философско-

⁹ *Бецкой И.И.* Краткое наставление выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. СПб., 1766. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ В частности, Екатерина писала в письме к Вольтеру от 3 марта 1771 г. о предсказаниях Руссо в «Общественном договоре»: «У Вас во Франции недавно новый Сен-Бернар проповедовал духовный крестовый поход против меня, хотя, как я думаю, он и сам хорошенько не знал за что. Но этот Сен-Бернар ошибался в своих пророчествах, так же, как и первый: ни одно из предсказаний его не оправдалось; он только ожесточил умы». – Сборник Русского исторического общества. 1874. Т. 13. С. 68.

педагогических идей было двойственным и противоречивым. Это вызвано противоречивостью взглядов самого Руссо. С одной стороны философско-педагогические взгляды «женевского гражданина» близки взглядам французских материалистов, но с другой – его идеи о воспитании противостоят этике разумного эгоизма и атеизма. Гражданин должен подавлять свои страсти, свой эгоизм во имя общественного блага. Отношение к педагогическим идеям Руссо в среде русского дворянства могло быть близким к официальному: они рассматривались как подрывающие этико-религиозные основы воспитания. Такова была позиция Карамзина, пережившего опыт воплощения руссоистских идей на практике – опыт Французской революции. В «Моей исповеди» он сближает руссоистские идеи о человеческой природе, о воспитании человека с вольтерьянством и французским материализмом, показывает их отрицательную, нигилистическую сторону, подчеркивает разрушительную силу человеческих страстей, столь высоко ценимых Руссо. Для Карамзина человеческая природа иррациональна и зла, следовательно, исповедь превращается в столь осуждаемое Руссо театральное представление. Сама жизнь есть театр, бессмысленная, жестокая комедия, она представляется Карамзину игрой китайских теней. Человек эгоистичен по своей природе, страсти его, не ограниченные ни разумом, ни традициями, являются результатом его эгоизма и ведут к войне всех против всех, к хаосу, к потере смысла индивидуального существования. Полное подчинение страстям, согласно Карамзину, исключает совесть в человеке. Совесть же, для Карамзина, как и для Руссо, является внутренним голосом, но, в отличие от точки зрения Руссо, совесть и добродетель, по мнению Карамзина, не связаны со страстями. Совесть и стыд неразрывны с традициями, с опытом поколений. Карамзин так характеризует героя «Моей исповеди»: «Как скоро нет в человеке старомодного варварского стыда, то всего легче быть автором исповеди. Тут не надобно ломать головы; надобно вспомнить проказы свои, и книга готова»¹². Идеи Руссо рассматриваются как абстрактные, неприменимые к жизни.

Образ гувернера «по Руссо»

Гувернер у Карамзина швейцарец, он, подобно Руссо, республиканец, и в то же время его этика и принципы воспитания близки к этике и принципам воспитания французских материалистов. Вот как пишет о принципах своего воспитания гувернером герой «Моей исповеди»:

¹² Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 1. С. 729.

На шестнадцатом году дали мне изрядный чин и отправили меня в чужие края, не сказав для чего. Правда, что со мною поехал гофмейстер, женевец (прошу заметить, а не француз, потому что в это время французские гувернеры в знатных домах наших выходили уже из моды), которому даны были все нужные наставления. Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды – и поступал со мною вследствие своего благоразумного плана. Надобно отдать ему справедливость: он любил искренность и немедленно со мною объяснился.

– Любезный граф! – сказал мне гофмейстер. – Природа и судьба уговорились сделать тебя образцом любезности и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете! Все прочее не стоит труда. Мы едем в Лейпцигский университет; родители твои, следуя обыкновению, желают, чтобы ты украсил разум свой знаниями, и поручили тебя моему смотрению; будь спокоен! Я родился в республике и ненавижу тиранство! Надеюсь только, что моя снисходительность заслужит со временем твою признательность.

Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долголетнюю службу. Приехав в Лейпциг, мы спешили познакомиться со всеми славными профессорами – и нимфами. Гофмейстер мой имел великое уважение к первым и маленькую слабость к последним¹³.

В русской литературе имеется целая галерея подобных воспитателей. В смягченном виде портрет такого наставника, воспитывающего ребенка по «Эмилию» Руссо, предоставляя ему полную свободу, нарисован Пушкиным в знаменитых строках «Евгения Онегина»:

Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил¹⁴.

В результате такого воспитания Онегин томится от пустоты жизни, он является лишним в своем отечестве, подобно герою «Моей исповеди».

В тех же сатирических тонах, как и в «Моей исповеди» Н.М. Карамзина, описан подобный тип наставника в «Дворянском гнезде» И.С. Тургенева. Это – воспитатель отца главного героя Федора Лаврецкого.

Иван воспитывался не дома, а у богатой старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своим наследником (без этого отец бы его не отпустил); одевала его, как куклу, нанимала ему всякого рода учителей,

¹³ Там же. С. 730–731.

¹⁴ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1960. С. 12.

приставила к нему гувернера, француза, бывшего аббата, ученика Жан-Жака Руссо, некоего m-г Courtin de Vaucelles, ловкого и тонкого проныру, – самую, как она выражалась, *fine fleur* французской эмиграции, – и кончила тем, что чуть не семидесяти лет вышла замуж за этого финь-флёра; перевела на его имя все свое состояние... и умерла, оставленная мужем: вкрадчивый господин Куртен предпочел удалиться в Париж с ее деньгами¹⁵.

Результаты воспитания так описываются Тургеневым: «Бывший наставник Ивана Петровича, отставной аббат и энциклопедист, удовольствовался тем, что влил целиком в своего воспитанника всю премудрость XVIII века, и он так ходил, наполненный ею, она пребывала в нем, не смешавшись с его кровью, не проникнув в его душу, не сказавшись крепким убеждением...»¹⁶ Однако Тургенев описывает и другой тип руссоистского воспитания – воспитание Федора Лаврецкого. Отец хочет сделать из Федора, опираясь на идеи Руссо, «...человека прежде всего, un homme, <...> и не только человека, но спартанца»¹⁷. Не случайно воспитанием Федора Лаврецкого занимается не француз, а швейцарец. Это воспитание по Руссо парадоксальным образом сочетается с англomанией, с воспитанием по Локку: «Естественные науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совету Жан-Жака Руссо, и геральдика, для поддержания рыцарских чувств, – вот чем должен заниматься будущий “человек”»¹⁸.

Подобный тип руссоистского воспитания описывает и А.И. Герцен в своей повести «Кто виноват?», говоря о воспитании Владимира Бельтова. Это воспитание гражданина. Герцен рисует образ воспитателя-республиканца:

Она [мать Владимира Бельтова. – А.З.] предложила ему (по тогдашнему очень много) четыре тысячи рублей в год. Женевец сказал, что ему надобно только тысячу двести, и согласился. Бельтова иззявила свое удивление, но он хладнокровно возразил, что он с нее берет не менее и не более, как сколько нужно, что он составил себе бюджет в восемьсот рублей да на непредвиденные случаи полагает четыреста; «к роскоши, – прибавил он, – я приучаться не хочу, а собирать капитал считаю делом бесчестным». И этому-то безумцу вверила мать воспитание будущего обладателя Белым Полям с пустошами и угодьями!¹⁹

Но и в этом случае, хотя воспитатель-гувернер заслужил любовь воспитанника, воспитанник вышел в свет неприспособленным к

¹⁵ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1981. С. 29–30.

¹⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 41.

¹⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 4. М., 1955. С. 90–91.

жизни в родной стране, также став «лишним человеком» и томясь от пустоты своего существования, оттого, что его стране не нужны гражданские добродетели.

Довольно часто воспитание «по Эмилю» рассматривалось в русской культуре как не связанное с реальной жизнью. Не случайно Дьедоне Тьебо приводит в изложении князя Долгорукого следующий анекдот: «В одном семействе, хорошо мне знакомом, <...> было шесть сыновей. Предстояло заняться воспитанием младшего, когда появился на свет «Эмиль» Жан-Жака Руссо. Отец порешил, что лучшего он не может сделать, как последовать указаниям женеvского философа. По окончании же воспитания отец в отчаяньи написал этому прославленному философу, что, приняв его советы о воспитании, он сделал какое-то чудовище из своего последнего сына. Руссо отвечал ему так: «Издавая свою книгу, я мог надеяться, что ее будут читать, но вовсе не воображал, что найдется такой неразумный отец, который последует моим указаниям»»²⁰.

Руссо, Локк и идеал воспитания в России

Но все же в Руссо видели союзника в борьбе против «развращающих идей» века, его религиозность противопоставлялась атеизму французских просветителей, его этико-педагогические идеи, основанные на пробуждении совести, морального сознания, противопоставлялись этике «разумного эгоизма». Педагогические идеи Руссо сближались с традиционными ценностями, с традиционной педагогикой, направленной на воспитание гражданина, полезного отечеству.

Такова была позиция даже деятелей, весьма настроенно относившихся к французскому Просвещению, вольтерьянству и материализму, в частности – редактора «Русского вестника» С.Н. Глинки, близкого к кругу А.С. Шишкова. Глинка подчеркивал сходство идей Локка и Руссо, которые, считал он, позволяют научить ребенка правильным понятиям, основанным на чувственных впечатлениях. Более того, педагогику Локка и Руссо он сближал с традиционными ценностями, встраивая в их систему и всячески маскируя разрыв между традиционными и новыми, иноземными ценностями. Локк и Руссо, на его взгляд, своим авторитетом только укрепляют традиционные ценности, которые были известны и до них и которые от воззрений этих философов практически не отличаются. Французским и иным иноземным гувернерам Глинка противопоставлял русского воспитателя Петра I Никиту Зотова, который, в сущности, следовал педагогике Руссо и Локка.

²⁰ Русский архив. 1901. Кн. 1. № 3. С. 380–381.

Характерно название статьи Глинки: «Зотов, наставник Петра Первого или рассмотрение способа его учения и соображение онаго с правилами Ж.Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочих писателей о воспитании»²¹. Глинка отмечает, что и Руссо, и Локк делали упор на чувственное познание, на эмпирическое знание, благодаря которому у воспитанника формируются истинные, а не ложные понятия. Но так же воспитывал Петра и его воспитатель Зотов: «Иностранное судно, поразив взоры государя, тотчас и на понятие его подействовало; с предстоящей вещью возбудилось в уме его все о ней слышанное; от судна мысль переходила к кораблю, флоту и проч. Вот плоды Зотова учения, и вот польза, происходящая от соединения вещи с понятием и понятия с вещию»²². Однако для Глинки самое главное в сочетании понятий – понятие Бога, которому научил Петра его воспитатель Зотов: «Таким образом составила в разуме Петра Первого *тесная связь понятий*, что всеми человеческими приключениями учреждает небесный промысл»²³.

Ссылаясь на Руссо, Глинка говорил о необходимости изоляции воспитанника от развращенной среды и отмечал, что Зотов окружил своего питомца изображениями его предков и поучал «деяниями их жизни»²⁴. Но в результате из приверженности прошлому, традиции родился, как и у Руссо, новый человек, а также новое царство, воплощенная утопия: «Истинное и благоучрежденное воспитание действительно есть *новое бытие человека <...> Ревнуя великим деяниями праотцев своих, Петр предположил в понятии своем изящный образец нового царства*»²⁵.

Говоря о патриотическом русском воспитании, Глинка цитирует «Эмиля» Руссо: «Представляйте питомцу вашему во всем и во всякое время отечество; пусть знает он в десять лет названия всех его городов, всех уездов, всех рек; пусть сообщает ему о всех заведениях и проч., пусть до пятнадцати лет запечатлеются в памяти его все законы и все отечественные предания, вещающие о славе и добродетелях его сограждан»²⁶.

И говоря о следовании в воспитании традиционным ценностям, Глинка вновь ссылается на Руссо, который писал в «Общественном договоре» о Петре I:

Русские никогда не станут истинно цивилизованными, так как они подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит

²¹ Русский вестник. 1808. Ч. 3. № 9. С. 299–330.

²² Там же. С. 311.

²³ Там же. С. 314.

²⁴ Там же. Ч. 4. №10. С. 11

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Там же. Ч. 3. № 9. С. 307.

и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим подданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством²⁷.

Близки к подобной позиции и размышления Я. де Санглена, который, однако, подчеркивал новаторство Руссо, позицию которого в педагогике принял по-руссоистски, «сердцем». В своем очерке «Параллель между Руссо и Вольтером» Санглен очень высоко оценивал педагогические идеи Руссо, сближая их с традиционной педагогикой, но, в то же время, отмечая и отличие:

Руссо обессмертил имя свое, нападая на господствовавшие нравы и мнения, порицая то, что все другие хвалили, проповедуя о Натуре и натуральных обязанностях в такое время, когда натура изгнана была Искусством, когда самая Философия во Франции не только не оживляла чувства к обязанностям, но даже ослабляла оное. <...> Должно было читать с удивлением такого писателя, который внезапно предложил идеал Педагогики, совершенно противный всем известным методам воспитания, с которым, однако ж, вообще соглашались все чувствительные сердца²⁸.

Де Санглен полагал, что понятие «природы человека» носит в системе Руссо нормативный характер, предписывая должное, что система воспитания Руссо отнюдь не является оторванной от жизни и парадоксальной, что она направлена на воспитание гражданина: «Творение его “Эмиль” не есть собрание парадоксов; но истинный идеал педагогики. А его воспитанник Эмиль не похож на зверя или на дикого человека; ибо все его образование клонится к тому, чтобы сделать из него доброго, обществу полезного гражданина»²⁹.

Однако даже в конце XIX в. официальной российской педагогике были ближе идеи Локка, чем Руссо. Вот как характеризуются педагогические системы Локка и Руссо в «Речи, читанной в Институте благородных девиц, на выпускном акте инспектором классов»:

Она (система Локка – А.З.) легла в основу знаменитого «Эмиля» Руссо. Распространение французского языка, популярность име-

²⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 183.

²⁸ Санглен Я., де. Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора. 1805. Т. 1. № 3. С. 189–191.

²⁹ Там же. С. 196–197.

ни Руссо в связи с общим увлечением французской образованностью XVIII века были причиной большей известности книги Руссо, но теперь, когда для обоих великих людей настал суд истории и науки, мы должны отдать предпочтение системе Локка не потому только, что она, будучи основана на тонком наблюдении проявлений живой детской природы, никогда не утратит своего практического значения. Между тем «Эмиль» несомненно не живой человек, а манекен, которого по своему произволу направляет рука педагога. Мы не замечаем здесь той борьбы, которая в действительности происходит между волей воспитателя и воспитанника. Вот почему система Руссо теперь неприменима и значение продолжают сохранять только общие начала, заимствованные Руссо главным образом у того же Локка³⁰.

Заключение

Таким образом, в русской культуре восприятие педагогических идей Руссо было двойственным и противоречивым. Воспитатели-гувернеры, опиравшиеся в педагогической практике на идеи «железнодорожного гражданина», рисовались русскими писателями либо как идеалисты, далекие от действительной жизни, либо как циники, чьи моральные принципы основывались на теории эгоизма. Часто этико-педагогические идеи Руссо сближались с воззрениями французских атеистов и материалистов, рассматривались как нигилистические и разрушительные. Однако имелась тенденция рассматривать эти идеи и в рамках этики долга, этики подавления естественных склонностей во имя общественного блага, в связи с чем делались попытки сблизить педагогическую систему Руссо с традиционными ценностями.

³⁰ *Малинин В.Н.* О системе воспитания Джона Локка. Речь, читанная в Институте благородных девиц, на выпускном акте инспектором классов. Киев, 1894. С. 11.